

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P52

Rick Riordan
THE TRIALS OF APOLLO: THE TYRANT'S TOMB

Copyright © 2019 by Rick Riordan
All rights reserved

Риордан, Рик.

P52 Испытания Аполлона. Книга 4. Гробница тирана / Рик Риордан ; [перевод с английского К. Овериной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-104509-8

Спасти Лагерь Юпитера, отразить атаку двух злобных императоров и одного царя, восставшего из мертвых, не дать больше ни одному своему другу умереть и желательно не погибнуть самому — таков план Аполлона на ближайшие дни. Кажется, все это легкотня для олимпийского бога. Вот только в этом и проблема: Аполлон уже давно свергнут с Олимпа и пребывает в теле пухлого подростка по имени Лестер. А это значит, что его и его друзей ждут новые опасные битвы. Чтобы не позволить врагам разрушить Лагерь Юпитера, Лестеру снова придется пожертвовать всем — возможно, даже своей жизнью...

Рик Риордан — автор мировых бестселлеров для подростков, лучший современный писатель в детской литературе, по мнению авторитетного издания «New York Times».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Оверина Ксения, перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-104509-8

*Памяти Дианы Мартинес,
которая изменила к лучшему
жизнь многих людей*

Темное пророчество

*Сгорят слова, что память подарила,
Едва луна над Дьяволом уснет.
Пусть оборотень собирает силы,
Иначе Тибр кровью изойдет.*

*На юг пусть солнце устремит свой ход
Сквозь путаницу к смерти и огню,
Владельца белого коня найдет —
Загадка волю обретет свою.*

*Смелее, Лестер, в западный дворец;
Деметры чадо корни обретет.
Укажет козлоногий удалец
Тот путь, где вражья обувь лишь пройдет.*

*Известны три — и Тибр перед тобой:
Тогда лишь, Аполлон, танцуй и пой.*

1

Нет здесь еды

«Шведские рыбки» слопала Мэг

Слезай с катафалка

Ясчитаю, что тела нужно возвращать. Тут дело просто в уважении, верно? Если воин пал, нужно приложить все усилия, чтобы вернуть тело его народу для свершения погребального обряда. Может быть, я старомоден — мне ведь больше четырех тысяч лет. Но я считаю, что не хоронить мертвых должным образом — это недостойно.

Взять хоть Ахиллеса и то, что он устроил во время Троянской войны. Повел себя как свинья. Привязал труп защитника Трои Гектора к колеснице и несколько дней таскал его по земле у городских стен. В конце концов Зевс внял моим увещаниям и заставил этого громилу вернуть тело Гектора родителям, чтобы они нормально его похоронили. Нет, *ну правда*. Нужно же иметь хоть немного уважения к тем, кого ты убил.

А труп Оливера Кромвеля? Я и сам не сказать чтоб обожал его, но всему есть предел. Сначала англичане с почестями его хоронят. Затем они вдруг решают, что ненавидят Кромвеля, выкапывают из могилы и «казнят» его тело. Потом его голова падает с пики, на которой красовалась десятилетиями, и в течение трех веков переходит от одного

коллекционера к другому словно какой-нибудь снежный шар — омерзительная безделушка на память. Наконец в 1960 году я шепнул кое-каким влиятельным людям: *«Хватит уже. Я бог Аполлон, и я приказываю вам похоронить эти останки. Вы ведете себя отвратительно»*.

Когда дело коснулось Джейсона Грейса, моего павшего друга и единокровного брата, я не стал полагаться на случай и решил лично доставить гроб с его телом в Лагерь Юпитера, чтобы проводить его со всеми почестями.

И это было правильное решение. Например, потому, что по пути на нас напали гули.

Когда закат превратил залив Сан-Франциско в котел расплавленной меди, наш частный самолет приземлился в аэропорту Окленда. Я сказал «наш», хотя на самом деле заказной рейс был прощальным подарком от нашей подруги Пайпер Маклин и ее отца-кинозвезды. (У всех должен быть хотя бы один друг с родителем-кинозвездой.)

У взлетно-посадочной полосы нас ждал еще один сюрприз, тоже, надо полагать, от Маклинов, — блестящий черный катафалк.

Мы с Мэг Маккаффри разминали ноги на площадке у «Сессны», пока наземный персонал с мрачным видом доставал гроб Джейсона из багажного отделения. В вечернем свете казалось, что гроб из полированного красного дерева светится. На латунных ручках сверкнули красные отблески, и я ужаснулся — так это было красиво. Смерть не должна быть красивой.

Работники загрузили гроб в катафалк, а затем перенесли наш багаж из самолета на заднее сиденье автомобиля. Вещей у нас было мало: рюкзак

Мэг да мой (любезно предоставленные «Военным безумием Марко»), мои лук с колчаном и укулеле, пара блокнотов с эскизами и макет Джейсона.

Я подписал бумаги, выслушал соболезнования экипажа, пожал руку славному сотруднику похоронного бюро, который вручил мне ключи, и направился к машине.

Посмотрев на ключи, я перевел взгляд на Мэг Маккаффри, отгрызающую голову «шведской рыбки». В самолете оказалось полдюжины банок с этими красными жевательными конфетами. Теперь их запасы поиссякли. Мэг в одиночку позаботилась о том, чтобы популяция «шведских рыбок» на борту оказалась на грани вымирания.

— Мне садиться за руль? — спросил я. — Они арендовали этот катафалк?

Мэг пожалла плечами. Весь полет она провела развалившись на сиденье, и теперь ее прическа «под пажа» с одного бока была примята. Уголок очков-«кошечек», украшенный стразом, выглядывал у нее из волос как акулий плавник.

Впрочем, весь ее наряд был сомнительным: стоптанные красные кеды, потрепанные желтые легинсы и ее любимое зеленое платье до колен — подарок от матери Перси Джексона. *Любимое* — потому что оно побывало в стольких битвах и столько раз было постирано и зашито, что стало похоже скорее не на платье, а на сдувшийся воздушный шар. Вишенкой на торте был пояс с кучей сумочек, какие носят садовники: ведь дитя Деметры никогда без такой штуки из дома не выйдет.

— У меня же нет прав, — напомнила она, как будто я мог забыть, что теперь моей жизнью распоряжается двенадцатилетка. — Забиваю переднее сиденье.

«Забивать» сиденье в катафалке казалось мне не очень-то правильным. Но Мэг оббежала автомобиль и забралась на пассажирское кресло. Я сел за руль. Вскоре мы покинули аэропорт и покатали в арендованном черном скорбьмобиле по шоссе I-880.

Ах, залив Сан-Франциско... Я бывал здесь счастлив. Вокруг этой бесформенной впадины было полным-полно интересных людей и мест. Мне нравились зелено-золотые холмы, туманное побережье, светящиеся кружева мостов и сумасшедшие зигзаги кварталов, напирających друг на друга будто пассажиры метро в час пик.

В 1950 годы я играл с Диззи Гиллеспи* в клубе «Боп сити» на улице Филлмор. Во время Лета любви я устроил в Парке Золотые ворота джем-сейшн** с группой «Грейтфул дэд»***. (Отличные ребята, но неужели без соло на пятнадцать минут никак?) В 1980-х я зависал в Окленде со Стэном Бёрелом, также известным как Эм Си Хаммер**** — когда он открывал миру поп-рэп. Конечно, музыка Стэна — его заслуга, но я дал ему пару модных советов. Помните его широченные штаны из золотистой ткани ламе? Моя была идея. Да, модники, можете не благодарить.

По большей части залив Сан-Франциско навевал хорошие воспоминания. Но чем дальше

* Диззи Гиллеспи — джазовый музыкант, импровизатор. (Здесь и далее прим. перевод.)

** Джем-сейшн — импровизационное выступление музыкантов.

*** «Грейтфул дэд» (Grateful Dead) — американская рок-группа.

**** МС Hammer — американский рэп-исполнитель, самой известной песней которого является хит «U Can't Touch This».

я ехал, тем чаще поглядывал на северо-запад, в сторону округа Марин и темной вершины горы Тамалпаис. Мы, боги, называем ее горой Отрис, обителью титанов. И хотя наши древние враги повержены, а их дворец разрушен, я чувствовал исходящее оттуда недоброе притяжение, словно какой-то магнит желал извлечь железо из моей ныне смертной крови.

Я постарался избавиться от этого ощущения. У нас и так полно проблем. И потом: мы направлялись в Лагерь Юпитера, который был дружеской территорией по эту сторону залива. Со мной была Мэг. Я вел катафалк. Ну что могло пойти не так?

Автострада Нимиц вилась по равнинам восточного побережья, мимо мелькали склады, доки, торговые центры и ветхие бунгало. Справа возвышался центр Окленда: небольшое скопление высоток храбро смотрело в сторону более крутого соседа — города Сан-Франциско, расположившегося по ту сторону залива. Они будто заявляли: «Мы Окленд! Мы тоже существуем!»

Мэг развалилась на сиденье, закинула ноги в красных высоких кедах на приборную панель и приоткрыла окно.

— Мне тут нравится, — заявила она.

— Но мы только приехали, — возразил я. — И что же тебе нравится? Заброшенные склады? Вывеска «Вафли и курочка от Бо»?

— Природа.

— С каких это пор бетон стал природой?

— Тут есть деревья. Растения цветут. Воздух влажный. Вкусно пахнет эвкалиптом. Здесь не так, как...

Я понимал, о чем она говорит. В Южной Калифорнии мы застали палящую жару, жуткую засуху

и безумные пожары — и все из-за магического Горящего Лабиринта, которым управляли Калигула и его подружка — свихнувшаяся от ненависти колдунья Медея. Рядом с заливом подобных ужасов не было. По крайней мере пока.

Мы убили Медею. Уничтожили Горящий Лабиринт. Освободили Эритрейскую Сивиллу и помогли смертным и увядающим духам природы Южной Калифорнии.

Но Калигула по-прежнему жив. Он и его дружки, садисты-императоры из Триумvirата, все еще планируют взять под контроль оракулы, захватить власть над миром и построить будущее по своему образу и подобию. Прямо сейчас дьявольский флот Калигулы, состоящий из роскошных яхт, мчится к Сан-Франциско, чтобы нанести удар по Лагерю Юпитера. Трудно и представить, какие руины останутся от Окленда и «Вафель и курочки от Бо» после его нападения.

Но даже если нам удастся победить Триумvirат, величайший оракул — Дельфы — по-прежнему захвачен моим заклятым врагом Пифоном. Я понятия не имею, как мне одолеть его в нынешнем состоянии, когда я стал шестнадцатилетним хилляком.

Ну и что с того? В остальном ведь все хорошо. Эвкалипты вот вкусно пахнут.

На пересечении с шоссе Интерстейт-580 движение стало плотнее. Похоже, у калифорнийских водителей было не принято из уважения пропускать вперед катафалки. А может, они поняли, что минимум один из пассажиров в нашей машине уже мертв, поэтому торопиться нам некуда. Мэг развлекалась тем, что поднимала и опускала стекло, нажимая на кнопку. *Ииии. Иииии. Иииии.*

— Ты знаешь, как добраться до Лагеря Юпитера? — спросила она.

— Конечно.

— Ты то же самое говорил и про Лагерь полукровок.

— Ну ведь мы туда добрались! В конце концов.

— Замерзшие и полумертвые.

— Слушай, вход в лагерь вон там. — Я неопределенно махнул в сторону Окленд-Хиллз. — В туннеле Калдекотт вроде есть секретный проход.

— Вроде?

— Понимаешь, я никогда не *приезжал* в Лагерь Юпитера, — признался я. — Обычно я нисхожу с небес в великолепной солнечной колеснице. Но мне известно, что главный вход расположен в туннеле Калдекотт. Наверняка там будет указатель. Вроде знака «Дорога только для полубогов».

Мэг посмотрела на меня поверх очков:

— Ты самый тупой бог на свете. — Она подняла окно, и оно закрылось со звуками «Иииии ХЛОП!», весьма неприятными и напомнившими о гильотине.

Мы повернули на запад, на Двадцать четвертое шоссе. Ближе к холмам дорога стала свободней. Эстакады парили над жилыми районами, изрезанными петляющими улочками, высокими хвойными деревьями, белыми оштукатуренными домами, прилепившимися к травянистым склонам ущелий.

Промелькнул дорожный знак «ВЪЕЗД В ТУННЕЛЬ КАЛДЕКОТТ, 2 МИЛИ». Это должно было меня успокоить. Скоро мы пересечем границу Лагеря Юпитера и окажемся под надежной охраной в сокрытой магией долине, где настоящий римский легион сможет оградить меня от проблем, хотя бы ненадолго.